

Анджей Збых
Курьер из Лондона
Серия «Ставка больше,
чем жизнь», книга 7

Scan, OCR: MСat78

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160063

Ставка больше, чем жизнь: Дрофа – Лирус; Москва; 1994

ISBN 5-7107-0209-9, 5-87675-054-9

Оригинал: "Stawka wieksza niz zycie"

Перевод:

В. А. Головчанский

Аннотация

Книга А. Збыха (под этим псевдонимом выступают польские писатели Збигнев Сафьян и Анджей Шипульский) объединяет серию приключенческих повестей, повествующих о подвигах отважного польского разведчика Ганса Клоса, добывавшего в период второй мировой войны информацию о фашистских войсках.

Повести изобилуют остросюжетными моментами, в которых ярко проявляются бесстрашие и мужество подпольщиков.

Содержание

1	4
2	14
3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анджей Збых

Курьер из Лондона

1

В Польше тоже есть аристократы, господин обер-лейтенант. Известно ли вам это? Клос стоял перед большим резным письменным столом навтыжку, держа руки по швам и размышляя, к какой категории людей отнесли своего нового шефа, полковника Гофберга, начальника местного управления абвера, в распоряжение которого он прибыл неделю назад. Клоса не удивили слова шефа, произнесенные с абсолютной и непоколебимой убежденностью в том, что именно он, Гофберг, первый открыл, что среди поляков тоже есть аристократы.

– Так точно, господин полковник, – с улыбкой ответил Клос.

Воцарилась тишина. Гофберг перелистывал какие-то бумаги на письменном столе, будто не замечая присутствия своего офицера.

«Не ошибаюсь ли я? – подумал Клос. – Если Гофберг действительно болван, то откуда у него такие успехи? Руководимое им управление абвера относится к числу наиболее деловитых и оперативных. Казематы абвера в подвалах сельско-

хозяйственной школы не уступают застенкам гестапо. И заключенные здесь – не просто схваченные жертвы на улицах города во время очередной облавы». Клос достаточно долго работал в разведке, чтобы определить, какими делами занимается местное управление абвера, в котором он теперь служил. Клосу не нравились грузная фигура нового шефа, его жирное лицо и большие бесцветные глаза. А эти его наивные вопросы и умозаключения!... При этом Гофберг относился к своим подчиненным высокомерно, стараясь при каждом удобном случае унижить их. Капитан Любке, возмущенный этим, был вынужден подать рапорт об отправке снова на Восточный фронт. После ранения капитан работал в офицерской школе абвера. Клос встретил его за два дня до отъезда, когда уже получил предписание о переводе в распоряжение полковника Гофберга.

– Будь осторожен, Ганс, – посоветовал капитан Любке Клосу, – Полковник – хитрая каналья. Да поможет тебе бог. – С тех пор как на фронте осколком мины ему оторвало кисть руки, капитан Любке стал религиозным. – Да поможет тебе бог, – повторил он.

Большого из Любке вытянуть не удалось. И только перед отъездом, крепко стиснув рукой пальцы Клоса, он снова предостерег его:

– Бойся полковника, Ганс, это опасная скотина.
– Вам, господин обер-лейтенант, известно дело «С-298» – холодно спросил Гофберг, оторвавшись от бумаг. Его боль-

шие глаза остановились на лице Клоса. Он ожидал ответа.

– Что-то не припоминаю, – сказал Клос.

– Вы приняли сектор науки и техники. Это дело по вашей части. Насколько помню, я рекомендовал вам тщательно ознакомиться со всеми незаконченными делами сектора.

– Я здесь всего неделю, господин полковник. Может быть, я и просмотрел дело «С-298». Не могли бы вы напомнить, в чем его суть?..

– Я требую от офицеров, чтобы они свои обязанности знали четко... Сколько будет семью девять? – неожиданно спросил полковник.

Клос молчал. Гофберг недовольно повторил вопрос:

– Так сколько же будет семью девять? Отвечайте, господин-лейтенант!

Полковник впился пальцами в письменный стол, его глаза округлились, ресницы захлопали; казалось, он сейчас бросится на Клоса.

– Семью девять – шестьдесят три, господин полковник, – громко отрапортовал обер-лейтенант. «Хочешь иметь идиота, – подумал он, – пожалуйста».

– Так же точно, господин обер-лейтенант, вы обязаны отвечать, когда речь идет о вашей работе. Дело Латошека – это о чем-нибудь говорит вам?

– Нет. – Клос умышленно ответил так. Он хотел, чтобы Гофберг дал волю своему красноречию.

– Весной тридцать девятого года польский инженер по

фамилии Латошек разработал технологию легкого сплава, прочного и устойчивого к высоким температурам. Надеюсь, вы представляете себе, какое это имеет значение для самолетостроения, в особенности для создания авиационных моторов? В октябре этого же года мы начали розыск документации на эту технологию, но безрезультатно. Свидетельства патентного агентства, как и следовало ожидать, были уничтожены или спрятаны. Лаборатория инженера Латошека на одном из военных заводов была разрушена за день до вступления наших войск в Польшу. Так вот, лаборатория была разрушена, а инженер исчез бесследно. Мы установили, что он не был мобилизован в армию. Однако на всякий случай проверили лагеря военнопленных. Во всем генерал-губернаторстве и на территориях, возвращенных рейху, гестапо располагает подробным описанием внешности инженера Латошека, его фотографиями и другими данными о нем. Арестовано триста шестьдесят четыре поляка, похожих на него, но никто из них, к сожалению, не оказался инженером Латошкой. Перед самой войной он проживал в Жешуве. В его доме мы содрали все обои, даже штукатурку, перекопали подвал, обследовали каждую доску пола, но ничего не нашли.

– Понимаю, – прервал Клос.

– Ничего вы не понимаете. Мы получили новую информацию. Недалеко отсюда находится село Пшетока и поместье с таким же названием – собственность некоего польского аристократа Пшетоцкого. Поэтому я вам и сказал, что среди по-

ляков тоже есть аристократы. Должен подчеркнуть, господин обер-лейтенант, что их аристократы – чаще всего немецкого происхождения.

– Так точно, – подтвердил Клос, едва сдерживаясь, чтобы не засмеяться.

– Не совсем точно, не следует преувеличивать. Не все они немецкого происхождения. Например, дочь этого Пшетоцкого вышла замуж за инженера Латошека. Мезальянс, не так ли, господин обер-лейтенант? Аристократ Пшетоцкий не одобрял этот неравный брак и не поддерживал связей со своим зятем, так утверждает наша агентура. В деле имеется протокол допроса, датированный октябрем тридцать девятого года. Наша служба установила недавно, что инженер Латошек с женой были в Пшетоке за день до вступления наших войск в Польшу. Тот болван, который осенью тридцать девятого допрашивал старика Пшетоцкого, не обратил внимания на то, что супруги Латошеки оставили ему свою дочь. Можно предположить, что если они доверили старику дочь, то наверняка оставили ему и еще кое-что. Документация на технологию инженера Латошека, господин обер-лейтенант, должна находиться в усадьбе Пшетоцкого.

– Усадьбу обследовали? – спросил Клос. – Пшетоцкого допросили повторно? – Он решил играть роль наивного подчиненного.

Полковник клянул на удочку, и это обрадовало Клоса.

– Отличная мысль, Клос! – От удовольствия Гофберг даже

часто-часто заморгал. И подумал, что стоит, пожалуй, написать господину Рейнеру отзыв о Клосе: «Способный, интеллигентный офицер». Снова обращаясь к Клосу, он сказал: – Если будет необходимо разобрать весь дом и перекопать всю усадьбу, то сделайте это. Вам известно, как выглядит то, что вы будите искать? Плоская коробка, в ней вся документация: чертежи, расчеты, описания. Все это может сгореть за пять минут. Но мне нужна документация, а не кучка пепла. Пшетоцкого мы всегда можем допросить. А что это даст? Я давно уже служу фюреру в этой паршивой стране и хорошо знаю поляков. От них ничего не добьешься. Молчание – это их хитрость.

– А если документация была уничтожена? – спросил Клос.

– Не исключено, – ответил полковник. – Хотя и мало вероятно Пшетоцкий понимает, что эти бумаги представляют большую ценность. После войны он может выгодно продать их своим союзникам. Следует также иметь в виду, что если зять, даже нелюбимый, оставил ему бумаги на хранение, то старик Пшетоцкий наверняка спрятал их в надежное место. Эти польские аристократы тоже себе на уме, со своими амбициями и долгом чести.

– Понимаю.

– Хорошо, что начинаете понимать. Поезжайте в усадьбу Пшетоцкого. Возьмите с собой надежных людей. Поселитесь в его доме, а своих людей разместите где-нибудь неподалеку от усадьбы.

– Слушаюсь, господин полковник, – ответил Клос. – разрешите выполнять задание?

– Я еще не все сказал, – пробурчал шеф. – Возьмите с собой всю переписку и другие документы, относящиеся к этому делу. Постарайтесь на месте как следует их изучить. И больше пока ничего не предпринимайте без моего указания. Считайте, что вы в отпуске. В усадьбе будете находиться до тех пор, пока я не дам вам команду возвратиться. Думаю, что это продлится не более недели. Ждите моих указаний. Вы все поняли, господин обер-лейтенант?

– Так точно. Я должен ждать ваших указаний!

– Отлично, Клос! Устанавливайте там полевой телефон и поддерживайте со мной связь. Позже я пришлю в ваше распоряжение специального агента.

– Как я узнаю его?

– Он вам представится сам. Сошлется на меня. Возможно, вы будете нужны ему. Вы должны создать в усадьбе напряженную атмосферу. Ходите по всему дому, заглядывайте во все углы, но так, чтобы они не догадались, что вы что-то ищите. Если они догадаются, зачем вы прибыли в усадьбу, то могут уничтожить все документы инженера Латошека, и тогда вам не сносить головы. И помните, что для меня она никакой ценности не представляет. – Полковник подумал: «Может быть, направить в усадьбу кого-нибудь другого? Лучше было бы послать туда женщину». – А правда, – проговорил он, отвечая на свои мысли, – не лучше ли, гос-

подин обер-лейтенант, чтобы в этом деликатном деле участвовала женщина?

– Так точно! – выпалил Клос, прищелкнув каблуками. – Когда я должен выехать в усадьбу Пшетоцкого, господин полковник?

– Запомните раз и навсегда, молодой человек, что все мои приказы выполняются немедленно, – отчеканил Гофберг, приподнимаясь с кресла. – Через полчаса вас будут ждать автомашина с нужными людьми. Что вы здесь торчите? Отправляйтесь!

– Хайль Гитлер! – снова щелкнул каблуками Клос, четко повернулся и вышел.

Он не торопясь спустился по лестнице, держа в руках папку с бумагами по делу «С-298».

Неожиданный приказ о немедленном выезде в Пшетоку изменил все его планы. Любой ценой он должен был сообщить об этом Леону.

Гофберг не любил, когда медлили с выполнением его приказов. Он стоял у окна кабинета и смотрел на улицу. Подготовленная к отъезду автомашина с людьми была уже у подъезда.

«У меня есть еще минуты две», – подумал Клос, нажимая на ручку двери туалета. Скорее по привычке, чем по необходимости, он окинул взглядом тесное помещение, убедился, что здесь никого нет. На небольшом клочке бумаги, вырванном из записной книжки, быстро набросал несколько слов.

Открыл крышку ручных часов, вложил внутрь свернутую бумажку. Часы, как и следовало ожидать, остановились.

... Солдаты с фельдфебелем в ожидании отъезда играли в карты. Они были так увлечены, что не заметили появления Клоса. Фельдфебель, зажав карты в руке, отрапортовал обер-лейтенанту, что группа телефонистов готова к отъезду. Он не спросил даже, куда ехать. Видимо, точное распоряжение было уже им получено раньше.

Водитель, с трудом развернув грузовик на узкой улочке перед зданием сельскохозяйственной школы, где размещалось управление абвера, затормозил на перекрестке широкой варшавской улицы, пропуская длинную колонну военных повозок. Клос бросил взгляд на ручные часы с таким недовольством, что искренности его беспокойства нельзя было не заметить. Часы стояли. Он громко выругался по адресу польского часовщика, который так плохо отремонтировал его хронометр, и повелительным жестом приказал фельдфебелю выйти из машины.

— Здесь, напротив, — сказал Клос, подавая ему часы, — есть часовой мастер. Отнесите и скажите, что вас прислал обер-лейтенант Клос, которому он недавно чинил эти часы, и если через пять минут они не будут готовы, то Клос сам расправится с ним.

Унтер-офицер взял под козырек и выпалил:

— Будет исполнено, господин обер-лейтенант! — Однако по его лицу было видно, что он не очень рад этому поручению.

Клос наблюдал за фельдфебелем до тех пор, пока тот не скрылся в дверях часовой мастерской. Разведчик подумал, что избрал не очень хороший способ передачи информации Леону, но иного выхода не было. Если фельдфебель не вернется через три минуты...

В дверях мастерской показался фельдфебель. Быстро пробежав к грузовику, он подал часы обер-лейтенанту:

– Мастер просил извинить его, часы действительно требовали небольшого ремонта. И если что, он всегда готов для господина Клоса основательно починить их бесплатно.

Клос пристально посмотрел на покрасневшееся лицо фельдфебеля и с тревогой подумал, что этот тип, по его приказу войдя в мастерскую Леона, мог наделать много шума, угрожая, размахивая пистолетом. Многие немецкие офицеры при встречах с поляками именно так и поступают без всяких на то причин, желая показать, что они принадлежат к расе господ. Правда, не все немцы таковы. Среди них есть и мыслящие люди, насильно одетые в армейские мундиры, они ненавидят войну и стыдятся тех жестокостей и убийств, которые принес человечеству фашизм. Клос неоднократно встречался и с такими немцами, которые ненавидели фашизм, войну, но под страхом смерти вынуждены были сражаться «во имя победы великой Германии».

– Поехали! – громко крикнул он водителю.

Пан Пшетоцкий радостно улыбался, не зная, куда посадить Иоланту. Он решил, что старинное кресло, стоявшее в углу гостиной, у стены, на которой висели портреты предков хозяина дома, будет самым удобным местом для дорогой гостьи. Приподняв тяжелую латунную керосиновую лампу, он указал на кресло.

– Дай посмотреть на тебя, девочка моя. Когда же в последний раз видел тебя?.. Зося, – вспомнил он вдруг, – скажи там на кухне, чтобы приготовили что-нибудь для пани Кшеминьской на ужин... Садись, девочка моя. Устала с дороги? Ну как там в Кракове? Человек не видит света из-за этой проклятой войны, от страха носа не высунешь из этих четырех стен, даже в доме стало небезопасно...

– Что верно, то верно, дедушка, – прервала его Зося, вернувшись из кухни. – Уже готовится яичница для пани, сейчас принесут.

– Спасибо... Не помню, Иоланта, представил ли я тебе свою внучку. В такое тревожное время... отвыкли мы от гостей... Это Зося, Зося Латошек. – Он скривился нарочито: – Подумать только, дорогая пани, чтобы какую-то фамилию Латошек носила внучка польского шляхтича Пшетоцкого!

– Дедушка! – с упреком проговорила Зося, белокурая и голубоглазая семнадцатилетняя девушка. Ее нежная белая

кожа была склонна мгновенно заливаться ярким румянцем, что придавало Зосе особое очарование.

– Рада познакомиться, – ответила Иоланта. – Отец мой часто вспоминал о вашей дочери, пане Елене, если не ошибаюсь.

– Не ошибаешься, девочка моя. Не знаю только, где она сейчас. С начала войны потерял ее и этого, как его... Ла-тошека. Но довольно печальных воспоминаний! Зося, – он нежно поцеловал внучку в щеку, – прости старого склеротика... помнишь, я не раз говорил тебе о своем друге Генрике Кшеминьском, с которым мы в Вене в молодости проводили время? Гора с горой не сходится... Генрик поздно женился, любил холостяцкую жизнь, ой как любил, даже грех вспоминать при девушках. И поэтому у него такая молоденькая, чуть старше моей внучки, дочь. А моя Елена поспешила, – махнул рукой старик. Ему неприятно было вспомнить о неудачном браке своей дочери, но что было делать?..

Камердинер Ян принес на подносе тарелки с дымящейся яичницей и холодной закуской.

– Спасибо, но я совсем не голодна, – сказала Иоланта.

– Ешь, ешь, – потчевал старик. – В Пшетоке еще никто не ложился спать без ужина, а ты, девочка моя, с дороги. Пройти столько километров в такое время – это героизм. Рад, что Генрик не забывал обо мне. Пусть приедет в Пшетоку, вспомним молодость... Что у вас там за жизнь в закопченном городе? Голод... Но я рад, что хоть ты навестила стари-

ка.

– К сожалению, – сказала Иоланта, – я здесь долго не про-
буду. Во всяком случае, не столько, сколько хотелось бы.

– И не думай об этом! Так быстро я тебя не отпущу. От-
дохнешь, подышишь свежим воздухом, подкормишься дере-
венским хлебом. – Потом обратился к Зосе: – Уже поздно,
займи нашу гостью, а я скажу Яну, чтобы приготовил ком-
нату для паненки...

Девушки остались одни.

– Можем обращаться друг к другу по имени, – сказала Ио-
ланта, – мы почти ровесницы. Как ты думаешь, твой дедуш-
ка меня не осудит, если я закурю?

– Кури смело, – ответила Зося и покачала головой, когда
Иоланта поднесла ей маленький золотой портсигар. – Дедуш-
ка сам проверит, постелила ли тебе Марта постель и затопил
ли Ян камин. Он переживает, что теперь никто не навещает
нас, и очень рад гостям.

– Я таким его себе и представляла, – сказала Иоланта. –
Помню его как в тумане... Столько времени прошло! Но я
приехала не к нему. Не к нему, а к тебе, Зося.

– Ко мне? – удивилась девушка.

– Розмарин расцвел под окном, – сказала Иоланта, при-
стально глядя в глаза Зоси. – Не понимаешь?

– Я просто поражена. Не ожидала, что пани... что ты... –
А потом добавила спокойно, но выразительно: – Это не роз-
марин, а барбарис.

– Все в порядке, – глубоко вздохнув, ответила Иоланта. – Я боялась, что ошибусь... Мне необходимо установить контакт.

– С кем? – спросила Зося.

– Ты же знаешь с кем. Зачем спрашиваешь? Я могу разговаривать только с доверенным лицом Бохуна.

– Сегодня уже поздно. Постараюсь завтра сообщить пану ротмистру...

– Так нельзя, Зося, – остановила ее Иоланта. – зачем ты раскрываешь его чин? Помни, что мы не должны говорить больше того, что нам известно. Если бы я попала в руки гестапо, то по твоей вине имела бы лишнюю информацию о доверенном лице.

– Но ты бы не выдала его гестапо!

– Не знаю, – ответила Иоланта. – Мы должны быть осторожными и лишнего не говорить. Одно слово может погубить человека, раскрыть всю подпольную организацию.

– Извини, – прошептала Зося. Она почувствовала, как ее лицо покрывается румянцем, и это еще больше обескуражило девушку.

– Глупенькая ты! – Иоланта нежно обняла Зося. – Нечего передо мной извиняться. Знаю, что ты хотела как лучше. Мы с тобой пока еще необстрелянные солдаты, хотя у меня немного больше опыта. На те два года, – усмехнулась она меланхолично, – на которые я старше тебя. В этот момент вошел старик Пшетоцкий.

– Вижу, вижу, девочки подружились. Наконец-то Зося будет иметь подругу по своему возрасту. Мы живем на отшибе, на безлюдье, к нам мало кто приезжает, если только иногда заглянет кто-нибудь из соседей. Даже в преферанс не с кем сыграть. Правда, один из соседей с детства ходит к нашей Зосе, но...

– Дедушка!

– Ну хорошо, хорошо, только смотри, чтобы Иоланта не отбила твоего Эдварда... Красивая ты, пани Кшеминьская. Признайся, сколько кавалеров из-за тебя голову потеряли? – Он хотел еще что-то сказать, но неожиданно раздавшийся снаружи шум прервал его. Он подошел к окну и отодвинул занавеску.

Девушки слышали скрип тормозов резко остановившейся автомашины, а потом тяжелые шаги за дверью, выходящей в коридор.

Ян замер у порога:

– Немцы!

– Открой! – приказал пан Пшетоцкий.

Когда Ян скрылся в прихожей, старик подошел к Иоланте:

– Девочка моя, если тебе нужно что-нибудь спрятать... –

И, когда Иоланта отрицательно покачала головой, облегченно проговорил: – Слава богу!

Клос зажмурился. В зале, освещенном несколькими керосиновыми лампами, было очень светло.

– Слушаю вас, – долетел до него негромкий голос.

Обер-лейтенант удивился: голос принадлежал невысокому, чисто выбритому лысоватому старику. Слушая Гофберга, Клос представлял себе гордого, высокого мужчину, с аристократической внешностью, коротко стриженного, с пышными шляхетскими усами. А увидел человека, одетого в поношенную домашнюю куртку, похожего на учителя гимназии или почтового служащего.

– Я хотел бы видеть пана Пшетоцкого, – сказал Клос по-немецки, решив не показывать, что знает польский язык.

– Слушаю вас, – повторил хозяин дома.

– Я получил приказ расквартироваться в вашем замке.

– В моем замке? – спросил Пшетоцкий на чистом немецком языке с венским акцентом. – Мой замок был сожжен. Сожгли его в тридцать девятом. Если вы говорите об этом доме, то это всего лишь скромный флигель. Когда-то здесь проживала моя прислуга. А что касается расквартирования... Ну что ж, вы теперь здесь хозяева. Только не могу понять, почему выбрали именно мой дом...

Слушая Пшетоцкого, Клос подумал: гордость это или бравада старого шляхтича? А может, хозяин просто хотел ще-

гольнуть своей аристократичностью перед этими двумя молодыми женщинами? Если бы на месте Клоса был кто-нибудь другой в немецком мундире, то эти уловки могли для старика плохо кончиться. Немецких офицеров раздражает национальная гордость поляков.

– Вам помочь выбрать комнату? Или вы сами? Надеюсь, господин обер-лейтенант не займет мою спальню...

– Разместите меня где вам будет угодно. Я пробуду здесь несколько дней. Только прошу учесть, что в свою комнату я проведу телефонную связь.

– Зося, покажи пани Иоланте ее комнату, а Марте скажи, чтобы постелила господину офицеру в комнате в мансарде, где нет печи.

Клос, едва скрывая улыбку, повернулся к стене и сделал вид, что рассматривает портреты толстых усатых предков хозяина дома. Пшетоцкий отвел немецкому офицеру неотопливаемую комнату, питая надежду, что тот не вынесет холода и быстро покинет усадьбу.

– Кто кроме вас проживает в доме? – спросил Клос, садясь в удобное кресло около стены. Он заметил, что Пшетоцкому это не понравилось.

– Кроме меня – моя внучка, ее подруга пани Иоланта Кшеминьская, дочь моего старого знакомого, и прислуга: камердинер Ян, его жена, которая занимается кухней, и их дочь Марта, она исполняет обязанности служанки. Теперь нам не требуется большой штат прислуги...

Клос присматривался к висевшей на стене сабле прекрасной старинной работы. Ножны и рукоятка ее были покрыты искусной тонкой резьбой. Только теперь он понял, что поведение Пшетоцкого продиктовано не высокомерием и не кичливостью. Это был трезвый расчет, основанный на знании психологии. Старик интуитивно чувствовал, что с немецкими офицерами необходимо разговаривать свысока, ибо у них в крови – почтение к аристократам. Называя свой большой многокомнатный особняк скромным флигелем и утверждая, что в этих условиях не требуется большая челядь, Пшетоцкий как бы хотел спросить немецкого офицера: «А какая прислуга была у тебя в Германии?»

Теперь Клос другими глазами смотрел на невысокого старика с барскими манерами и повелительными нотками в голосе.

Ян что-то шепнул на ухо хозяину дома.

– Проводи пана офицера в его комнату, – сказал Пшетоцкий камердинеру. – А ваши люди, господин офицер, разместятся в другом флигеле.

Клос слегка поклонился и пошел за Яном. На лестнице он посторонился, чтобы пропустить спускавшихся сверху молодых женщин, которых перед этим видел в гостиной. Они прошли мимо, не удостоив его даже взглядом. Старшая, стройнее и обаятельнее, подчеркнуто демонстрировала свою надменность. Камердинер Ян, поднимаясь по лестнице с лампой, даже не оглянулся, идет ли за ним немецкий офи-

цер.

Девушки застали старика Пшетоцкого в гостиной. Он нервно ходил взад и вперед, держа в зубах давно погасшую трубку.

– Зачем только принесло сюда этого немца? – спросила Зося.

– Сам об этом думаю.

– Если бы они намеревались выселить вас из Пшетоки, – проговорила Иоланта, – то вручили бы вам официальное распоряжение своего командования. Этот офицер, как видно, из вермахта. А они, как правило...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.